

Церетели Зураб

10.06.92

ФИЛАНТРОПИЯ

Роденели

Беседа со скульптором, художником и просто хорошим человеком Зурабом Церетели

В есть о том, что мой Зураб собирается поставить в Париже дюжину памятников Бальзаку, сама по себе не нова. Однако недавно появились первые признаки того, что по крайней мере одного Оноре, возможно, и разрешат там изваять.

— Зураб, я слышал, что это будет не менее величественно, чем московский Петр. Тоже кирпич, бетон, сталь и прочая арматура. Одно перечисление материалов впечатляет...

— Да, я собираюсь осчастливить мой любимый Париж сорокаметровым истуканом. Чтобы его величие, понимаешь, резало глаз — вах! — отовсюду.

— До вас такую же попытку предпринял некий малоизвестный скульптор Роден. Он тоже в своем роде хотел порезать глаза парижанам и гостям столицы, изваяв классика, так сказать, обнаженным. Это с бальзаков-

скими-то мощными телесами! Но возмущенные буржуа заставили Родена одеть Бальзака в плащ. А ваш будет голым?

— Кто такой Роден? Па-а-ачему не знаю? Мелочь пузатая. Я изваяю в своем стиле, так что вообще будет непонятно — голый человек перед тобой или же одетый. Никто не придерется.

— То есть это как? При таких, Зураб, размерах, согласи-тесь, трудно будет скрыть причинные, извиняюсь, места...

— Что ты, Публий! Какие места?! Никаких мест! Говорю ж тебе, в моем стиле вообще непонятно, одетый человек или голый, толстый или тонкий, мужчина или женщина, человек или милиционер, Бальзак или Наполеон!..

— Так зачем же все это, Зураб?

— Зато какой размер, слушай, — вах!

Каков человечище-то!

Публий